
КЛИКУШЕСТВО: ЭМОЦИИ И ВЛАСТЬ (по материалам Урала XIX — начала XX в.)

С.В. Голикова

Институт истории, археологии и этнологии
Уральское отделение РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, Россия, 620026

В статье предпринята попытка на примере феномена кликушества показать включение чувственной сферы в социальные коммуникативные практики. По наблюдениям психиатров, поведение женщины во время припадка нельзя считать эмоциональной вспышкой, не контролируемой культурой и социальными условностями. Анализ эмоций (аффектов) в религиозной практике позволяет рассматривать припадок как поступок в рамках социального взаимодействия, требующего значительного участия тела и делающего телесные жесты и чувства властными актами.

Ключевые слова: гендер, власть, эмоции, бесоудержимость, женщины, Урал.

История чувств «по-русски» продолжает оставаться ненаписанной, несмотря на укоренение данного направления в историографии других стран.

Кликушество, несомненно, является тем феноменом, который сообщит этой теме национальный колорит. Его можно трактовать как серию дискретных эмоциональных взрывов. Подобное демонстративно-вызывающее и на первый взгляд иррациональное поведение хорошо вписывается в традицию Й. Хейзинги, М. Блока и отчасти Н. Элиаса представлять людей «нецивилизованного» времени импульсивными, сильно чувствующими особами. Во второй половине XIX в. этот яркий факт народной жизни стал объектом изучения этнографов и психиатров (1).

Последнее время плеяда исследователей (А.С. Лавров, Е.Б. Смилянская, А.А. Панченко, К.Д. Воробек(ц), А.Л. Юрганов, Е.А. Мельникова) анализирует кликушество, как правило, в широком контексте религиозной культуры, затрагивая эмоциональные и властные аспекты данного явления, но не проблематизируя их (2). Вопрос обыгрывания чувств, включение чувственной сферы в социальные коммуникативные практики требует дальнейшего рассмотрения.

Припадок у кликуши выглядел максимальным выражением эмоций — аффективных, экспрессивных, стихийных. «...Впрочем, как в последствие по наблюдениям можно было удостовериться, — сообщал Д. Флоровский об эпидемии кликушества 1839 г. в Уткинской слободе, — среди сильных таковых страданий из больных никто не лишается рассудка и, как страждущие все почти женщины, при бесновании и по окончанию истерических припадков не выходят из границ благоприличия, не обнаруживают свое тело, как истинно беснующиеся». «...По прошествии таковых страданий, — добавлял он, — все одержимые беснованием свободно занимаются домашними трудами». Его информантке Елене Весниной «изнурительность» припадков не мешала «находиться в цветущем здоровье»: «Впрочем, женщина сия другим каким-либо натуральным болезням не подвержена, довольно полна, с румянцем на щеках». По его мнению, подобное своеоб-

разие телесных переживаний подавало «повод опытному глазу отличать действие странных припадков от натуральной болезни» (3).

Действительно, «опытный взгляд» психиатра Н.В. Краинского, изучая симптомы данного явления, заметил, что у кликуш никогда не бывает прикусывания языка и произвольного мочеиспускания, движения их во время припадка остаются координированными и рассчитанными, почти никогда они не наносят себе повреждений, хотя бьются «не щадя себя» и «обо что попало». По его наблюдениям, во время припадка женщины ориентировались во времени и в пространстве и узнавали окружающих. Одна из главных функций душевной жизни, предполагающая непреходящую наличность сознания, — выбор — у них была сохранена. Они сознательно рассчитывали свои движения, выбирая место, куда упасть, выбирали и различали окружающих, выделяя, в частности, колдунов. Но главное, «страдалицы» весьма «ловко» оговаривали лиц, против которых были возбуждены. Остальным кликуша во время припадка не наносила вреда.

Ее поведение не должно рассматриваться как неконтролируемая эмоциональная вспышка, находящаяся вне культуры и не подчиняющаяся социальным условиям. Проявление страстей включало оценку ситуации. Агрессивность только по отношению к «известным знахарям» отмечал у беснующихся селения Нижнего Уткинской слободы и Д. Флоровский. При встрече они были готовы (если их не удержать) растерзать «обидчиков». Эти действия психиатры признавали также «вполне целесообразными», считая, что «испорченными» руководил сознательный выбор. Итак, кликуша вела себя вовсе не случайным образом. Ее припадки, по определению С.В. Максимова, были скорее шумными, чем опасными. Такое поведение «было» на эффект, должно было привлекать к себе внимание.

Это свидетельствует о принадлежности кликушества к «тонким» технологиям тела, к практикам и техникам, которые по современным представлениям базируются на основе измененных состояний сознания.

Рассказ В. Санина о превращении в кликушу девятнадцатилетней девушки показывает специфику соотношений рационального, эмоционального и интуитивного в женской натуре. «Одна девятнадцатилетняя девушка, страдавшая кликушеством, подробно рассказала мне историю своей болезни. На 17-м году жизни однажды с ней случился легкий обморок, в котором она пролежала два часа. Когда девушка очнулась, то услышала от свидетелей обморока предположение, что в нее вселился бес... С этого дня, — продолжала рассказ больная, — я и минуты не знала покоя, мучимая сознанием, что во мне живет бес. Начала быстро хиреть. Через некоторый промежуток времени припадок повторился, еще более утвердив во мне мысль о бесе. Пришло время паломничества на горы. Я пошла сюда вместе с другими. С одной стороны, у меня было страшное желание выгнать беса, но, с другой, я ощущала безотчетный страх, который с приближением к могилам все возрастал и возрастал. Завершилось тем, что к могиле я уже сама подойти не могла, а когда меня подвели насильно, я лишилась сознания и превратилась в настоящую кликушу» (4).

После происшествия, с которым эта юная особа связала свою порчу, изменился ее характер и душевное состояние: все ее внимание сосредоточилось на ощу-

щениях. Она начала чутко прислушиваться к своему организму. Ее мысли сосредоточились на болезни, вернее, на желании скрыть наличие внутри нее беса. Она стала замкнутой, колебалась и не решалась приблизиться к «святыням», боясь припадка. Тревога по поводу того, что окружающие, не подозревая о ее переживаниях, звали ее на моления, нарастала. После долгих сомнений девушка решилась прийти на святое место. Там долгая нравственная пытка наедине с собой закончилась припадком «на людях» — выплеском энергии, которая скопилась от подавления невыраженного, невысказанного.

Развиваясь исподволь, кликушество обнаруживало себя лишь тогда, когда могло проявляться бурно.

Продромальный и «видимый» периоды в течении болезни обнаружил еще Н.В. Краинский. Однако увлечение психиатрическим дискурсом помешало ему заметить, что кликуша «зрела» вне обрядового контекста и в непубличной обстановке, а «разрешалась» (по терминологии этого же врача) припадком в публичном пространстве ритуала. Вне публики он оказывался неэффективным, бессмысленным. Публичность наделяла его смыслом.

Присутствующие интерпретировали речь и поведение припадочных, находились рядом, чтобы прийти им на помощь при угрозе их жизни. Они являлись свидетелями, гарантами, соучастниками в обнаружении потусторонних сил.

Происходящее оставляло у них тягостное впечатление: «Эти явления страждущих, — отмечал священник Д. Флоровский, — наведут уныние на самого строгого наблюдателя, как действительно испытано мною самим» (5).

Возобновляющиеся припадки поддерживали в окружающих постоянное беспокойство. Именно благодаря реализации духовных потенциалов, заложенных в женском теле, они могли ощутить неизменное присутствие зла. С возникновением данного феномена общество обзавелось еще одним конкретным, наглядно-образным выражением игры потусторонних сил.

Парадоксальная связь публично-интимного при исследовании кликушества ставит вопрос о значении физических факторов в психическом состоянии, связанном с культурно-обусловленным поведением. Оно оставалось аффектом в рамках ритуала, подчиняясь ритуальным императивам.

Навыки контролируемой одержимости кликуш демонстрируют, как необычные психофизиологические проявления уживаются с социокультурными задачами. Они были особым разрядом женщин, значимым в религиозном и социальном отношениях.

«Многие лекарки-кликтуницы началом своей известности обязаны этим выкликаниям», — пояснял С. Осокин (6). А камышловский священник, ограничившийся инициалами С.К.К., описал механизм возникновения подобной «славы»: «Когда разнеслась весть, что в деревне Обуховой в Марию Б. вселился дьявол, тогда не только местные жители, но и жители отдаленных селений и даже горожане начали стекаться к ней для ворожбы с разными приношениями. У кого что потеряется, тот, после тщетных поисков потерянного, обыкновенно говорит: „надобно сходить к бесу, он правду скажет“ — и идет к бесу, кланяется Марии и просит ее, чтобы она сказала, кто вор» (7).

Учет социокультурного контекста при анализе кликушества показывает, что коллектив в своих интересах наделял такого рода лиц женского пола определенными обязанностями, а припадок являлся одновременно способом их выполнения и их подтверждением. Им позволяли проявлять предрасположенность к подобному рода поведению в системе социальных отношений.

Здесь можно говорить о феномене делегирования «общинной» насилия. Кликающие получали власть, от которой временно отказывались или дистанцировались другие. Подобная отстраненность явно указывает на несовершенство правовых отношений в обществе и противопоставление им Божьего суда. «Для подтверждения справедливой своей жалобы, — описывал реакцию жителей на эпидемию 1839 г. Д. Флоровский, — [они] вызвали Уткинского завода г. Демидова Евфросинью Стафееву Цыганову, почитаемую ими за кликушу, которая приведши себя в восторженное состояние начала предсказывать им будущее... за что от крестьян и была щедро награждена» (8).

Припадочные женщины не присваивали себе никакой социально-политической роли и не оспаривали у локального социума его функции бороться со злом. Для общества и, прежде всего, кликуши как его части, данный феномен давал возможность регулировать проблемы, возникавшие на основе психосоциальных конфликтов. Их участники смотрели на мир через оптику отношений между соседями и игры личных сил: ущерб репутации, нападков и отпора.

Общим местом в качестве причины возникновения припадков являлись «зависть», «злоба», различные ссоры. Жительница Невьянского завода Заплата превратилась в кликушу, когда, заметив «в приготовлении пищи неопрятность», сделала нанятой на время покоса стряпке Медведевой «за то выговор» (9).

В качестве формы устной агрессии кликушество принадлежало к культуре ведения междоусобной вражды. Елена Веснина из селения Нижнего Уткинской слободы пострадала по причине «существующей с давнего времени вражды» к своей золовке Марии Лямтиной. Однажды, увидав Елену в своем дворе, Мария «начала требовать с нее должных 30 копеек денег, и после многих прозб, убеждений и поручительства брата... обождать... осталась непреклонной» (10).

Подобные случаи позволяют рассматривать кликушество как институт служебный, вписанный в динамику коммунальных отношений. Работу его механизма видно из заметки в «Екатеринбургской неделе», написанной с явным сочувствием к жертве предрассудка. После того как она была обнаружена с помощью припадка во время свадьбы, события в деревне Кадешниковой Красноуфимского уезда развивались стремительно: «Тотчас же мнимого колдуна отыскивали, и пьяные поезжане начали чинить допрос: били, сколько могли, стреляли над головой из револьвера, но сознания от колдуна не добились». Не «смягчили» его даже «слезные просьбы» новоявленной кликуши «об исцелении: он упорно отрицал свое знакомство с нечистой силой». Далее автор текста описывает отношение к происшествию окружающих: «Теперь, как нам передают, колдуну в деревне житья нет, его сторонятся как зачумленного, хозяин же отказал от места за то, что он посадил будто бы беса в женщину. Соседи установили добровольный надзор за колдуном, строго следят за каждым его шагом, ожидая самолично удосто-

вериться в сношениях односельчанина с нечистой силой». Показательно, что сообщение заканчивается предостережением: «А мало-ли в деревне бывает случаев, кои темное суеверие относит к «делу нечистаго» — тогда до зверского самосуда с мнимым колдуном недалеко» (11).

Импульсом к расправе служил не только клик, но и ворожба порченных с целью отыскания краденого (их ответы на вопросы потерпевших). Мария Б. из деревни Обуховой следующим образом описывала приметы подозреваемых: «Одному говорит, что „вор был с черными волосами, с карими глазами, с короткой бородой“, другому скажет, что „похититель приходил не издалека, а из той же деревни, хлеб-соль водит, а ночью по амбарам ходит“».

Алгоритм дальнейших действий, по наблюдениям очевидца, выглядел следующим образом: «И пойдут мужички искать вора с черными волосами, с карими глазами, с короткой бородой. Один находит его в своем куме, другой — в свате, третий в коротком приятеле, — и забудется и кумовство, и сватовство, и прежнее хлебосольство: други и приятели перессорятся, перебранятся, а иногда и передерутся, но потерянного все-таки не найдут» (12).

Публичное обнаружение колдунов (равным образом и преступников) отнюдь не способствовало восстановлению справедливости, а являлось, скорее, инструментом сведения счетов, осуществления мести. Став кликушей, женщина могла выразить свои желания открыто и резко. «Большая во время клича наименоывает женщину, виновную в злом деле, и с тех пор той женщины все начинают опасаться, безусловно веря показанию кликуши» — описывал реакцию малмыжских крестьян в середине XIX в. С. Осокин (13). Действия припадочной оказывались неразрывно связанными с процессом легитимации подспудных ожиданий. Нечистая сила в контексте кликушества получала амбивалентную роль — представителя-заместителя женщины.

И. Молессон не раз убеждался, что все припадочные «притворяются в силу какой-либо идеи или даже нужды» (14). Другие дореволюционные авторы справедливо считали, что причина кликушества «таилась в горькой участи» женщин. «Телесные невзгоды», плохое питание и «низкий уровень гигиены» также способствовали их необычному нервному состоянию. Однако от внимания современников ускользнуло то обстоятельство, что «страдалицы» умели если не превращать этот «минус» в «плюс», то хотя бы извлекать из своего состояния какой-то позитивный смысл, используя культурогенную функцию отрицательных аффектов.

В качестве «побочного» эффекта можно назвать появление кликуш-ханжей, применявших опыт, выстраданный многими поколениями припадочных, как доходный промысел. Д. Флоровский не исключал обмана некоторыми жительницами Уткинской слободы «своих мужей, которые, веря от души их выходкам, оставляют последних свободными от работ, тем подають повод к праздности и общему источнику многих пороков» (15).

Изучая традиционные нормы поведения русских крестьян, М.М. Громыко неоднократно сталкивалась с их умением уместно выражать свои претензии. Ана-

лизируя жалобы на горькую женскую долю в похоронной причети (которая отчасти напоминает ситуацию кликучного припадка), она писала: «Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующая обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад „на людях“». Например, в импровизации плача допускались критические суждения «молодухи» по поводу тирании свекров, а при других обстоятельствах они были бы сочтены оскорбительными (16).

Эти наблюдения указывают на наличие ясной конвенции, объясняющей, как правильным и подобающим образом выражать свои чувства. Адекватность или неадекватность эмоциональной реакции должна была быть очевидной для всех. Хотя найти и расшифровать механизмы, управляющие демонстрацией чувств, и их репрезентации в источниках, трудно. Тем более что в определенное время (например, на святки, на масленицу, в купальские дни) «анти-поведение признавалось уместным и даже оправданным (или практически неизбежным)». Б.А. Успенский также говорил об экспансии ситуационно не обусловленных действий подобного рода (17).

Можно воспринимать припадок как социальную практику, которая включала в себя не только индивидуальный опыт.

Женщинам было позволено кликушествовать. От них ожидали эффекта идеологического контроля. Д. Флоровский замечал: «...в колдуньи включили 18-летнюю девушку довольно красивой наружности и оборотливого ума, что не иначе может случиться как по приговору ревнивых жен» (18). Клик воспринимался со вниманием, в нем находили точку опоры своим подозрениям.

Таким образом, женская телесность (вернее, собирательные техники владения телом) формировала общественное мнение. Происшествие в деревне Кадешниковой и практика «ворожейки-кликтуницы» Марии Б. наглядно показывают, что гнев и ненависть можно было сделать феноменами коллективными и властными. Подстрекательство было тонким и скрытным способом осуществления власти, манипулирования людьми и ситуациями. В селе Романовка Оренбургского уезда если «баба» «заголосит и скажет, кто ее испортил», то этот человек, также «совершенно невинный, подвергался упрекам, оскорблениям» (19).

Благодаря собственной экспрессивности женщины «запускали» социокультурный механизм непрямого насилия, с помощью которого надеялись проконтролировать действительность. Д. Флоровский, наблюдая припадки в селении Нижнем Уткинской слободы, советовал искать «проблески истины» в «оттенках семейной жизни». «Когда жена довольно красивая, муж безобразен или муж строг, но добрый хозяин, трудолюбив и христианин, в полном смысле сего слова, жена, не привыкшая к занятиям, любит веселую и праздную жизнь и не охотница молиться, — вот начинаются домашние несогласия и нечистый дух тотчас является. А нечистый дух, по уверению легионеров, не терпит никаких возражений, и тогда явления беснующихся возобновляются часто, при каждой размолвке мужа с женой» (20).

Не имея шансов легальной реализации в пространстве власти, женщины входили в него физически, «живой» силой внедрялись во властный механизм, изме-

няя направление насилия. Уже С.В. Максимов отмечал, что когда «семейные мучители не унимались, на сцену являлся тот же протест, но в усиленной форме кликушества». Однако, по его тонкому наблюдению, протестантки действовали чисто «по-женски», поскольку происходящее производило потрясающее впечатление, но не столько наводящее страх, сколько внушающее чувство сострадания (21). К.Д. Воробец также высказывает предположение, что «кликушество было духовной и культурной отдушиной для женщин, чье эмоциональное бремя требовало облегчения и какой-то надежды на избавление» (22).

Анализ эмоций в специфических религиозных ситуациях и эмоциональных контекстов религиозных действий приводит к выводу о том, что припадок не был физиологической реакцией на внешние стимулы, который народная культура не подавляла. Его следует рассматривать как поступок в рамках социального взаимодействия, требующего немалого участия тела и управления эмоциями, и делающего телесные жесты и эмоции властными актами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Высоцкий Н.Ф.* Очерки нашей народной медицины. — М., 1911; *Краинский Н.В.* Порча, кликушество и бесноватые как явление русской народной жизни. — Новгород, 1900; *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. — СПб., 1903.
- (2) *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. — М., 2000; *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. — Минск, 2003; *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — М., 2004; *Worobek C.D.* Possessed: Women, Witches and Demons in Imperial Russia. — De Kalb, 2001 (сокращенное изложение см.: *Воробец К.* Кликушество в имперской России // *Нестор* № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, культура. — СПб., 2007); *Юрганов А.Л.* Убить беса: путь от средневековья к новому времени. — М., 2006; *Мельникова Е.А.* Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // *Антропологический форум*. — 2006. — № 4.
- (3) *Голикова С.В.* Кликушество глазами священника // *Религия и церковь в Сибири*. — Тюмень, 1995. — Вып. 8. — С. 106—107.
- (4) *Санин В.* На веселых горах // *Демидовские гнезда*. — Екатеринбург, 2001. — С. 253—254.
- (5) *Голикова С.В.* Кликушество глазами священника. — С. 108.
- (6) *Осокин С.* Народный быт в северо-восточной России: Записки о Малмыжском уезде в Вятской губернии // *Современник*. — 1856. — Т. 60. — С. 3.
- (7) *С.К.К.* Мнимобесноватая // *Пермские епархиальные ведомости*. — 1868. — № 26. — С. 453.
- (8) ГАСО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 480. — Л. 14.
- (9) ГАСО. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 971. — Л. 3.
- (10) *Голикова С.В.* Кликушество глазами священника. — С. 106.
- (11) Красноуфимск. (Пережитки старины глубокой) // *Екатеринбургская неделя*. — 1893. — № 49. — С. 1043.
- (12) *С.К.К.* Мнимобесноватая. — С. 453—454.
- (13) *Осокин С.* Народный быт... — Т. 60. — С. 3.
- (14) *Молессон И.* Очерк народной медицины в России // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. — 1869. — № 4. — Отд. 3. — С. 18.
- (15) ГАСО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 480. — Л. 14.

- (16) *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. — М., 1986. — С. 107, 247.
- (17) *Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева // Избранные труды: В 2-х т. — М., 1994. — Т. 2. — С. 131, 133.
- (18) ГАСО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 480. — Л. 14 об.
- (19) *Невский И.* Село Романовка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. — 1898. — № 13. — С. 531.
- (20) *Голикова С.В.* Кликушество глазами священника. — С. 108.
- (21) *Максимов С.В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. — Смоленск, 1995. — С. 371.
- (22) *Воробец К.* Кликушество в имперской России. — С. 302.

«KLIKUSHESTVO»: EMOTIONS AND AUTHORITIES (on Urals of 19th — early 20th centuries materials)

S.V. Golikova

Institute of History, Archeology and Ethnology
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Rosa Luxemburg Str., 56, Ekaterinburg, Russia, 620026

The author makes an attempt to illustrate the inclusion of the emotional sphere into social communicative practices basing on the analysis of the phenomenon «klikushestvo». According to the data of psychiatrists, the state of a women in time of affect could not be regarded as an emotional act not controlled culturally and socially. An analysis of emotions (affects) in religious practice makes possible the attitude to an affect as an act within the frameworks of social interaction which demands considerable participation of a body and it makes the gestures of the body and emotions power acts

Key words: gender, power, emotions, demons possessed, women, the Urals.